

Научная статья

УДК 81.232

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ДИСКУРС МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНИКА: ЖАНРОВО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Людмила Александровна Месеняшина¹, Ксения Игоревна Валеева²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, mesenyashing@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8308-3440

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, ksvaleeva2003@gmail.com, ORCID: 0009-0003-8906-4392

Аннотация. В статье обоснована актуальность наблюдений за становлением дифференциации между семейным и институциональным дискурсом младшего дошкольника и о роли метаязыковой деятельности ребенка в формировании этой дифференциации. Представлен обзор основных идей современных исследователей, посвященных институциональному дискурсу дошкольника. Новизна работы состоит в том, что к институциональному дискурсу дошкольника осуществлен, говоря словами Л.В. Щербы, не нормативный, а объективный подход. Цель статьи — охарактеризовать жанрово-синтаксические особенности речи ребенка в детском дошкольном учреждении в сопоставлении с жанрово-синтаксическими особенностями его речи в условиях семейного дискурса. Предметом исследования является внутренняя дифференциация этих дискурсов и отражение ее в речи ребенка. Материалом для исследования послужили результаты наблюдения за развитием речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев. Основными методами исследования являются наблюдение и сравнительно-сопоставительный анализ. Обосновывается тезис о том, что детская речь в дошкольном детском учреждении представляет собой особый случай институционального дискурса. Установлено, что в институциональном дискурсе противопоставление между утилитарно-бытовой и познавательно-игровой речью не только не утрачивается, но осуществляется еще в большей степени, нежели в семейном дискурсе. Необходимость существования в разных типах дискурса стимулирует метаязыковую деятельность ребенка. Подтверждается вывод о том, что институциональный дискурс создает благоприятные условия для формирования эгоцентрической речи.

Ключевые слова: детская речь, жанрово-дискурсивный подход, институциональный дискурс, семейный дискурс, жанровая система.

Для цитирования: Месеняшина Л. А., Валеева К. И. Институциональный и семейный дискурс младшего дошкольника: жанрово-синтаксический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 6 (500). С. 78–87. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87.

Original article

INSTITUTIONAL AND FAMILY DISCOURSE OF THE YOUNGER PRESCHOOLER: GENRE-SYNTACTIC ASPECT

Lyudmila A. Mesenyashina¹, Ksenya I. Valeeva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, mesenyashing@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8308-3440

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, ksvaleeva2003@gmail.com, ORCID: 0009-0003-8906-4392

Abstract. The article substantiates the relevance of observations on the formation of differentiation between family and institutional discourse of the younger preschooler and on the role of the child's metalanguage activity in the formation of this differentiation. An overview of the main ideas of modern researchers on the institutional discourse of a preschooler is presented. The novelty of the work is that, in the words of L.V. Shcherba, not a normative, but an objective approach. The purpose of the article is to characterize the genre-syntactic features of a child's speech in a preschool institution in comparison with the genre-syntactic features of his speech in a family discourse. The subject of research is the internal differentiation of these discourses and its reflection in the speech of the child. The material for the study was the results of monitoring the development of speech in a child at the age of 3 years and 11 months. The main research methods are observation and comparative analysis. The thesis that children's speech

in a preschool institution is a special case of institutional discourse is substantiated. It has been established that in institutional discourse the opposition between utilitarian-everyday and cognitive-game speech is not only not lost, but is carried out even more than in family discourse. The need to exist in different types of discourse stimulates the child's metalanguage activity. The conclusion that institutional discourse creates favorable conditions for the formation of egocentric speech is supported.

Keywords: children's speech, genre-discursive approach, institutional discourse, family discourse, genre system.

For citation: Mesenyashina L.A., Valeeva K.I. Institutional and family discourse of the younger preschooler: genre-syntactic aspect. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(6(500):78-87. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-500-6-78-87.

На кафедре русского языка и литературы ЧелГУ с 2021 года проводится лонгитюдное исследование развития речи Арсения Х. Результаты наблюдений изложены в статьях 19=15 «Начальный этап освоения коммуникативного синтаксиса и жанровой системы родного языка» (2023), «О формировании синтаксической компетенции в детской речи» (2024), «Ранние голофразы: на пути к жанровой дифференциации» (2023), «Усложнение жанрово-синтаксической системы детской речи» (2024). Свообразие этого исследования состоит в том, что в основу наблюдений положен жанрово-дискурсивный подход, предполагающий, что характер дискурса влияет на усвоение не только лексического уровня родного языка, но также синтаксического и жанрового уровней. В течение первых трех лет наблюдений речевое развитие Арсения Х. рассматривалось только в контексте семейного дискурса. Было обнаружено, что для ребенка в возрасте 3+ предметом познания оказывается любое событие, в том числе и совершенно утилитарно-бытового характера. Отсюда возникло предположение, что на следующих этапах наблюдения за речевым развитием ребенка в основу дискурсивной классификации речи было бы целесообразно положить не оппозицию: утилитарно-бытовое vs познавательно-игровое, а нечто иное, а именно противопоставление между персональным и институциональным дискурсом, с последним ребенок встречается в дошкольном детском учреждении (ДОУ). Дискурс ДОУ отвечает основным признакам институционального дискурса. Во-первых, в детском саду общение происходит в рамках определенных норм и правил, установленных образовательной системой. Воспитатели и педагоги следуют заранее утвержденным программам и методикам, регламентирующим содержание и форму речевой коммуникации. Во-вторых, взаимодействие в детском саду включает четко определенные роли, том числе и речевые. Каждая из этих ролей имеет свои функции и ожидания, что формирует специфический дискурс, характерный для образовательной среды. Наконец, общение в детском саду направлено на достижение

определенных образовательных и воспитательных целей. Это может включать развитие социальных навыков, обучение основам языка, формирование эмоционального интеллекта и т.д. Все это отвечает признакам институционального дискурса, приведенным в работах В. И. Карасика [13], Е. И. Шейгал [26] и др. Внимание к институциональному дискурсу дошкольника, на наш взгляд, обусловлено идеями, высказанными еще в 2007 г. Г. Р. Добровой [8], о необходимости создания возрастной социолингвистики.

На основании изложенного, цель настоящей статьи — охарактеризовать жанрово-синтаксические особенности речи ребенка в детском дошкольном учреждении в сопоставлении с жанрово-синтаксическими особенностями его речи в условиях семейного дискурса.

Предметом исследования является внутренняя дифференциация этих дискурсов и отражение ее в речи ребенка.

Мы исходим из предположения, что расширение дискурсивного разнообразия сопровождается усложнением жанровой системы детской речи. Исследований, посвященных изучению детской речи в рамках дошкольного образовательного учреждения, существует значительное количество, в особенности в последние годы. Однако, справедливости ради, следует заметить, что большей частью эти работы посвящены, как правило, решению задач либо реабилитационного характера (см., например, [5; 11; 12; 17; 21; 23]), либо общеразвивающего характера (см., например, [2; 4; 7; 10; 25, 27]), либо решению проблем билингвизма, (см., например [1; 14; 16; 22]).

Что же касается исследований в рамках не «нормативного», а «объективного» подхода к детской речи в рамках ДОУ, то здесь надо в первую очередь назвать капитальное исследование «Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций» [3]. На материале узбекского языка такая работа ведется Мусаевой Н.К. [10]. Однако эти

исследования ориентированы на психо- и социолингвистические стороны детской речи в институциональном дискурсе, нас же интересует именно сопоставление жанрово-синтаксических характеристик детской речи в разных типах дискурса.

Материалом для исследования послужили результаты наблюдения за развитием речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев в условиях семейного и институционального дискурса. Основными методами исследования являются наблюдение и сравнительно-сопоставительный анализ.

С целью наблюдения за институциональным дискурсом в ДООУ Челябинским государственным университетом была достигнута договоренность с руководством муниципального автономного ДООУ «ДС №77 г. Челябинска» о предоставлении возможности одному из участников настоящего проекта (Валеевой К.И.) провести наблюдения за институциональным дискурсом Арсения Х. В ходе этих наблюдений было установлено следующее.

Вопреки ранее высказанному предположению, оказалось, что в рамках институционального типа дискурса противопоставление между познавательно-игровым и утилитарно-бытовым дискурсами не только не утрачивается, но даже, в какой-то мере, усиливается. Вместе с тем было выявлено явное преобладание в институциональной речи именно познавательно-игрового дискурса.

Поэтому прежде чем перейти к его анализу, остановимся на фактах утилитарно-бытового дискурса. Инициативные реплики в его рамках представлены довольно ограниченным жанровым набором. Так, среди высказываний с иллокуцией экспрессива мы видим этикетные жанры приветствия, благодарности, извинения: *Здравствуйте / Извини / Спасибо* и т.д.). Среди высказываний с иллокуцией констатива встречается только жанр сообщения (Арсений Х. (далее – С): *А у меня эта шапка есть, только другая, розовая. Она дома.*)¹. Среди высказываний с иллокуцией директива — жанры 1) просьбы (*Ксюша, смотри, что я сделал;* 2) вопроса (*Ксюш, а ты скоро уйдёшь?*); 3) требования (*Иди уже, а то опоздаешь.*)

В ответных репликах утилитарно-бытового дискурса среди экспрессивов отмечены жанры 1) жалобы (*А Сулеймон меня по животу тщиц?*

¹ В этом примере обращает также на себя внимание неполное освоение семантики местоимений.

² Обратим внимание на то, что замена глагола звукоподражанием в повествованиях мальчиков сохраняется и в школьном возрасте, а иногда не утрачивается и в зрелости (Вспомним у Пушкина: «Колокольчик *динь-динь-динь*»).

(показал жестом) и 2) жанр разочарования (С. садится рядом с сестрой (К), хотя воспитатель велела садиться на свои места) [К: беги на свое место, вы сейчас рисовать будете] С: *Да ё-моё* (со вздохом встаёт и идёт на место). В констативах встречается только жанр сообщения (С: (увидев заинтересованные взгляды детей) *Это моя сестра, у меня два³ сестры*). Среди высказываний с иллокуцией директива встречаются жанры 1) просьбы (С: *Все, мы уже не играем, давай собирать!* (говорит мальчику после того, как воспитатель попросил навести порядок и убрать игрушки) и предложение типа 1, (в терминологии М. Я. Гловинской: 1) «Х думает о Р, что оно хорошо для Y-а; 2) X говорит Y-у, что если Y хочет, X сделает Р <...> 3) X говорит это, потому что хочет знать, делать ли ему Р» [б. С. 184]): Девочка не может починить игрушку / С: *Давай, я почию* (помог вернуть деталь на место и отдал обратно).

Что касается семейного дискурса, то все те же жанры, что были отмечены в утилитарно-бытовом варианте институционального дискурса, встречаются и в семейном дискурсе. Синтаксическое оформление высказываний также совпадает в обоих дискурсах.

Различия касаются следующих моментов.

1. Использование этикетных фраз в семейном дискурсе уже не столь облигаторно, как в институциональном. Например, ребенок входит в квартиру и, не поздоровавшись, сразу начинает рассказывать бабушке: *Баба, а мы с мамой домой прямо шли, а там собаки, они нам «р-р-р»⁴, а мама им «фу!», и они убежали прямо!*

2. В семейном дискурсе появляются жанры, которых не было в институциональном дискурсе. Так, приведенный выше пример представляет собой полноценное нарративное высказывание (в прошлом году в речи мальчика нами был отмечен протонарратив (*Я ударился, и мне было больно, но теперь не больно*)⁵.

3. Другой жанр, отмеченный нами в семейном дискурсе и не встречавшийся ранее, это жанр, если так можно выразиться, «выдвижения условий» (разновидность жанра «требование», но в качестве элемента более сложного речевого жанра «соглашение, уговор»). На сообщение матери о том, что

³ В этом примере также наблюдается неполное овладение словоизменением числительных.

⁴ Опять, как видим, звукоподражания вместо глаголов.

⁵ Отличие между протонарративом и собственно нарративом мы видим, в частности в то, что настоящее время в нарративе никаким образом не совпадает с текущим моментом речи.

нужно выпить определенное лекарство, ребенок отвечает: «Хорошо, но только потом нерастворительную таблетку давай не будем есть». То есть, он соглашается принять лекарство, но при условии, что другое лекарство он пить не будет. Этот жанр возникает в особой форме речевого взаимодействия: препирательство. Совершенно очевидно, что такая форма возможна в семейном дискурсе и совершенно невообразима в институциональном.

4. В условиях семейного дискурса в ответных репликах так же, как и в прошлом году, продолжают встречаться декларативы «отмены» (в терминологии М. Я. Гловинской): сестра совершает что-то, что Арсению очень не понравилось. С: *Ты мне больше не сестра!* (Вариант: «Я с тобой больше играть не буду» как разновидность реакции на схожую ситуацию). В институциональном дискурсе такого жанра отмечено не было. Возможные причины такой жанровой асимметрии будут рассмотрены несколько ниже.

Теперь обратимся к анализу высказываний в рамках познавательно-игрового дискурса. Жанровый состав его довольно разнообразен как в условиях институционального дискурса, так и в условиях семейного дискурса.

В институциональном дискурсе среди инициативных реплик наблюдается следующее.

В высказываниях с иллюкуцией экспрессива встречаются жалобы (С: *Я разобрал звездолет, а теперь не могу его собрать*).

В высказываниях с иллюкуцией директива — жанры 1) вопроса (С: *А тебе треугольник нужен?* (показал на игрушку, которую держала девочка) — и 2) просьбы (С: *Сулеймон, подай вон ту деталь*)¹.

В высказываниях с иллюкуцией констатива широко представлен жанр 1) шутки: С: (пьет кисло-молочный напиток) *Мы на кошек похожи*; С: *Не балуйся* (смеясь, говорит спокойно сидящей рядом с ним девочке, после того, как шалил именно он, толкаясь с сидящим рядом мальчиком); и жанр 2) сообщения: (С: *Я помыл кисточку, и вода теперь синяя*).

Среди сообщений встречается и социализированная речь, то есть речь «для других», как ее называет М. Б. Елисеева [9], и эгоцентрическая («речь для себя»). Примером последней можно

¹ Несмотря на отсутствие этикетного слова «пожалуйста», это не приказ и не требование. Дело в том, что они с Сулеймоном друзья, держатся на равных, отношения их носят неформальный характер и для выражения просьбы в этой коммуникативной ситуации вполне достаточно просительной интонации.

считать комментарии, которые Арсений дает при игре с сортировкой фишек по цветам (С: *Жёлтый* (убирает фишку). *Красный* (убирает другую фишку). *Зелёный*). Эти комментарии не обращены ни к кому конкретному, ребенок просто сопровождает словами свои действия.

В семейном дискурсе появление эгоцентрической речи мы отмечали еще в прошлом году, но тогда это был единичный случай: высказывание в жанре умозаключения. В текущем году этот жанр встречается чаще: (С: *Ложка горячая. Это чай ее нагревает.*).

В институциональном дискурсе среди ответных реплик наблюдается большее разнообразие. Среди экспрессивов представлены жанры 1) жалобы (С: *Ой, смотрите, что-то не собирается, маленькая, наверное* (деталь) и 2) протеста: (Товарищ по игре неправильно убирает фишку по цвету в шкапулку) / С: *Эо, ты туда зелёную убрал, а здесь синие!*). Среди констативов — жанры 1) сообщения (С: (показывает воспитателю, что построил из конструктора) [В: молодец, красиво получилось.] С: (подходя к сестре) *Ты слышала? Воспитатель сказала, что у меня красиво получилось*); 2) отказа (Товарищ по игре подаёт несколько деталей конструктора после просьбы Арсения) / С: *Да мне одна нужна была только* и 3) шутки (пример будет приведен ниже). Среди директивов представлены 1) жанр просьбы (Девочка играет инерционными машинками, они очень шумят) / С: *Регина, можешь потише? А то у меня уши сейчас будут хрипеть*²), 2) жанр совета: (С: *сделай вот эти бруски* (подаёт деталь конструктора мальчику, который что-то строит). *Вот на этой, на зелёной, а у тебя синяя*); и 3) жанр замечания (Девочка делает какую-то башню из конструктора) / С: *Ну, и где сиденье? Ты хочешь, чтобы она без сиденья сидела?*³ (Почему мальчик выбирает этот жанр, адресуя его сверстнице — об этом также несколько ниже.

Что касается декларативов, то среди ответных реплик мы можем встретить декларативы, если так можно выразиться, «магического» характера: (Девочка делает вид, что заколдовывает Арсения) / С: *Заморозтус!* (двигает пальцами, заколдовывая в ответ, предполагая, что теперь девочка застыла).

² Этот пример отражает важную особенность мышления ребенка: один и тот же глагол называет и каузацию явления и его результат.

³ Определение этого жанра взято из работа Е. Н. Суханкиной, которая определяет жанр «Замечание» как «малый речевой жанр волеизъявления учителя, адресованный чаще всего ученику<...>, требующий от него выполнения, изменения или прекращения конкретного действия (действий)». [24. С. 14].

Хотя все эти высказывания встречаются в институциональном дискурсе, перечисленные примеры относятся к коммуникации между сверстниками, т.е. коммуникантами, на речь которых институциональный дискурс накладывает минимальные ограничения. Значительно большие ограничения накладываются на коммуникацию между детьми и воспитателями.

В этом смысле интересно рассмотреть речевое поведение ребенка в такой институциональной форме речевого взаимодействия, как познавательное занятие. Рассмотрим следующий диалог.

Воспитатель (В): Вспоминайте, в какой одежде вы ходили летом?

С: *В куртке и шапке.*

В: Шортики надевали, наверное, да?

С: *Да, и шапки.*

Мы можем заметить, что ребенок активно использует неуместный в этой форме речевого взаимодействия жанр шутки. И это при том, что этикетные ограничения, накладываемые институциональным дискурсом, он уже усвоил и соблюдает. Но занятие как институциональную форму собственно-познавательного дискурса, противопоставленную неформальному общению, он пока принимает не вполне. То есть «правила игры», именно как некий норматив, он еще не признает.

Институциональный дискурс создает благоприятные условия для разнообразных форм речевого взаимодействия. И прежде всего это игровой диалог.

Арсений и Сулеймон играют фигурками собак, у Арсения поменьше фигурка, а у Сулеймона — побольше. Играют в «дочки-матери».

С: *Папа, я хочу кушать!*

М: *Я пока на работе.*

Как видим, это типичный игровой диалог, соответствующий необходимым условиям: 1) в контексте сообщения присутствуют и адресат, и адресант; 2) адресат воспринимает высказывание в тот же момент, как адресант произносит его; 3) адресат и адресант видят друг друга и имеют общее поле зрения [20. С. 95].

Однако институциональный дискурс создает благоприятные условия для жанра, маркирующего (в наших материалах) институциональный дискурс, а именно для инсценированного квазидialogа. Как отмечает Т. И. Петрова, инсценированный квазидialog — это «тип детской речи, который возникает в процессе одиночной сюжетно-ролевой игры и представляет собой инсценирование спонтанно возникающих диалогов» [20. С. 95].

С: (играет с фигуркой собаки) *Ты хорошая, наша собачка* (целует) (1). (Уронил собаку) *Эо, у меня вообще-то лапка болит, а вы меня роняете* (2). Здесь Арсений Х. разговаривает и за себя, как за участника диалога, и за игрушку. Из жанров в этих репликах мы можем отметить похвалу (1) и упрек (2).

С: (поставил собаку на полку) *Спасите! Спасите!* (1)

(Другой мальчик подходит и предлагает спасти)

С: *Эо, я вообще-то не тебе, а моему танку.* (2)

В этой ситуации мы наблюдаем также разговор от лица игрушки (1; просьба) и мгновенный выход из игровой ситуации, чтобы выразить протест (2) против вмешательства второго лица.

С: (играет один двумя игрушками) *Я падаю! (1) Я тебя спасу!* (2)

(Другой мальчик подходит к Арсению помочь и поднимает упавшую игрушку)

С: *Да нет же, она упала!* (3) (кладёт обратно на пол)

Здесь Арсений Х. в игре как участник диалога не фигурирует, разговор он ведет от лица двух игрушек. Первая реплика (1) является экспрессивом, выражением эмоций, в то время как вторая (2) — это комиссив, обещание спасти. Третья реплика, как и в предыдущем примере, не относится к игровой ситуации, но она показывает, что ребенок четко следует определенному сценарию, который есть у него в голове, и вмешательство кого-то другого недопустимо.

Т. И. Петрова отмечает, что уникальность квазидialogа, как особого жанра детской речи, состоит «в пересечении речи эгоцентрической («речь для себя») и социальной (инсценирование реплик, обращенных к вымышленному адресату)» [18. С. 246].

Ввиду того, что квазидialog содержит в себе множество высказываний разнообразных речевых жанров, он одновременно может рассматриваться и как сложный речевой жанр, и как форма речевого взаимодействия в дискурсе, ср. Т. И. Петрова: «В детском квазидialogе, возникающем при отсутствии синхронного адресата (реального слушающего), также непосредственно воспроизводятся голоса персонажей, но, в отличие от свободного косвенного дискурса, это не повествовательный текст, а разговорный дискурс, созданный и инсценированный одним автором — ребенком» [18. С. 247].

В таком случае и эгоцентрическая речь может рассматриваться как особый тип речевого взаимодействия, а именно интракоммуникация, в кото-

рой совпадают роли говорящего и слушающего. Этот тип речевого взаимодействия также широко представлен в институциональном дискурсе.

Рассмотрим подробнее один из примеров в рамках познавательно-игровой разновидности институционального дискурса.

С: (играет с мальчиком) Ой, наш звездолет! Падает! (1) (попытался поймать, но в итоге просто разобрал на две части) Упал. (2) (собирает, берет деталь, которая лежала отдельно) А это откуда? (3) Не помню. (4) Ну, наверное, она не нужна. (5) (убирает деталь. Позже понял, что это деталь с середины конструкции и без неё ничего не держится.)

В этом тексте наблюдается очень быстрый переход от социализированной речи к эгоцентрической. Реплика (1) еще обращена к мальчику, с которым играл Арсений Х., а все последующие реплики имеют явные черты, характерные для эгоцентрической речи (см. [9]).

Речь Арсения Х. в этом тексте действительно бесконтрольна, он задает вопрос (3) и тут же самостоятельно на него отвечает (4), а также делает последующий вывод (5). Ребенок понижает тон, произнося все это, он не обращается к мальчику, с которым играл до этого.

В семейном дискурсе на момент наблюдения игровых квазидialogов отмечено не было, что не означает в этом плане общей закономерности (см., например [19]).

Таким образом, анализ жанрового состава речи Арсения в институциональном и семейном дискурсах позволил установить, что некоторую часть речи этого ребенка составляют жанры дискурсивно немаркированные. Они широко представлены в обоих типах дискурсов, причем как в инициативных, так и в ответных репликах, как в познавательно-игровой, так и в утилитарной речи. Это прежде всего такие директивные жанры, как просьба и вопрос. Несколько меньше, но тоже широко представлен экспрессивный жанр жалобы, констативный жанр сообщения, и, что несколько неожиданно, жанр шутки.

Особый интерес представляют жанры, маркирующие определенный тип дискурса.

Так институциональный тип дискурса маркирован жанрами «замечание», «совет» и производным речевым жанром «инсценированный квазидialog». Маркированность институционального диалога жанрами «замечание» и «совет» обусловлено тем, что в семейном дискурсе ребенок, как правило, является самым младшим, и к его советам и, тем более, замечаниям, собеседники прислушиваться не готовы. В то время как в институ-

циональном дискурсе все дети равны и чувствуют себя вправе советовать и делать замечания, с одной стороны, и прислушиваться к ним — с другой. Маркированность же институционального типа дискурса жанром квазидialogа, на наш взгляд, не является константой, а отражает конкретную ситуацию речевого развития данного ребенка.

Семейный дискурс маркирован жанрами «выражение радости», «поддержка», «похвала», «предупреждение», «предположение», «умозаключение», «манипулятивные высказывания», декларативами негативного характера («отмена»), жанрами «обещание», «обязательство», «угроза», жанром «выдвижение условий», как элементом потенциально усложненного жанра «уговор» и формы речевого взаимодействия «препирательство», и жанром нарратива (в прошлом году был «протонарратив», в текущем году имеем дело с полноценным нарративом). Впрочем, если жанр нарратива не встретился нам в институциональном дискурсе, это не означает, что он в принципе там невозможен. Его нетрудно представить на занятиях по развитию речи, когда воспитатель просит детей рассказать о каком-то случае из их жизни. И напротив, маркированный характер жанра «выдвижение условий» совершенно очевиден, потому что препирательство как форма речевого взаимодействия допустима в семейном дискурсе и совершенно невообразима в институциональном. Нетрудно также объяснить маркированный характер манипулятивных высказываний, декларатива «отмена», комиссива «угроза», и т.п., т.к. в детском саду детей сознательно обучают дружелюбному отношению друг к другу

Вместе с тем необходимость вести языковое существование в разных типах дискурсов так или иначе стимулирует и метаязыковую деятельность ребенка. Прежде всего это проявляется в тенденции к эвфемизации речи в семейном дискурсе. Ребенок уже понимает, какие слова не следует говорить, и тщательно подбирает синонимичные приемлемые выражения, если это происходит не на пике эмоций. Вместо слова «глупая», которое он раньше использовал достаточно часто, за что неоднократно получал замечания, Арсений Х. стал использовать слово «неумная».

О напряженной метаязыковой деятельности свидетельствует и следующий диалог в утилитарно-бытовом варианте семейного дискурса.

С: Куда идем?

Мама: В магазин.

С: (повторяет вопрос с чуть большим акцентом на слово) Куда?

Мама: В фикс-прайс.

С: Я не спросил в какой, я спросил куда.

М: На Свердловский проспект. Лучше?

С: Да. А где это?

В данном случае интересна именно реакция ребенка на некорректный, по его мнению, ответ и настойчивое требование необходимого ему ответа. Из этого следует, что ребенок уже дифференцирует категории цели и пространства и чувствует недостаточную дифференцированность семантики вопросительного слова «куда».

Из этого можно сделать вывод, что тенденция к самоконтролю речевого поведения — универсальная: она есть и в семейном, и в институциональном дискурсе, однако в разных дискурсах может проявляться различно.

Таким образом, сопоставительный анализ институционального и семейного дискурса речи ребенка в возрасте 3 лет и 11 месяцев позволил подтвердить гипотезу о том, что расширение дискурсивного разнообразия сопровождается усложнением жанровой системы детской речи.

Было установлено, что в институциональном дискурсе еще в большей степени, нежели в семейном дискурсе, осуществляется противопоставле-

ние между утилитарно-бытовой и познавательной-игровой речью.

Выявлены наборы жанров, маркирующие институциональный дискурс («замечание», «совет», «инсценированный квазидialog») и наборы жанров, маркирующие семейный дискурс («выражение радости», «поддержка», «похвала», «предупреждение», «предположение», «умозаключение», «манипулятивное высказывание», «отмена», «обещание», «обязательство», «угроза», «выдвижение условий» — как элемент потенциально усложненного жанра «уговор» в форме речевого взаимодействия «препирательство», и нарратив).

Вместе с тем был выявлен набор дискурсивно немаркированных речевых жанров, среди которых просьба, вопрос, жалоба, сообщение и шутка. Был подтвержден вывод о том, что институциональный дискурс создает благоприятные условия для формирования эгоцентрической речи.

Необходимость смены речевого поведения в разных типах дискурса стимулирует метаязыковую деятельность ребенка.

Перспективы исследования связаны с расширением изучения институционального дискурса дошкольника в объективном аспекте.

Список источников

1. Алтыбаева З. Ч. Подходы к изучению детского билингвизма в дошкольных образовательных учреждениях Бишкека // Русский язык за рубежом. 2022. № 4. С. 50–53.
2. Алюханова Е.М., Ергашова Н. Б., Гришина Е. Е., Безбородникова С. Н. Развитие у старших дошкольников умения вести диалог посредством игр-драматизаций // Педагогический форум. 2022. № 1 (9). С. 8–10.
3. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: Комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. Омск: Издат. дом «Наука», 2018. 446 с
4. Бутырская Е. В., Жукова Н. В Развитие диалогической речи у детей старшего дошкольного возраста с помощью сюжетно-ролевой игры // Аксиологические проблемы педагогики. 2021. № 12. С. 12–20.
5. Воробьева Н. А. Особенности активного словаря дошкольников с общим недоразвитием речи // Инновационные научные исследования. 2021. № 10 (12). С. 153–164.
6. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
7. Давлятова Я. С. Использование социокультурного потенциала сюжетно-ролевой игры в развитии диалогической формы речи дошкольников // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2023. № 4. С. 31–36.
8. Доброва Г. Р. Возрастная социолингвистика : к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики: материалы науч.-практ. конф. СПб. : Златоуст, 2007. С. 57–64.
9. Елисеева М. Б. От 2 до 5: речь «для других» и «речь для себя» (к вопросу об эгоцентрической речи ребенка) // Ребенок как партнер в диалоге : Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2001. С.59–76.
10. Ибрагимова Э. М. Карты Проппа: развиваем речь, память и воображение (из опыта работы) // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2020. № 4. С. 204–206.
11. Ивакина М. В. Психолого-педагогическое сопровождение формирования словаря у детей среднего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи в условиях детского образовательного учреждения //

Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 146–149.

12. Иванкова Ю. Н. Психолого-педагогическое сопровождение формирования фонематического слуха у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием речи // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии. Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 149–154.

13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., Гнозис, 2004. 390 с.

14. Левицкая С. Ю. Формирование грамматической стороны речи у детей с вынужденным билингвизмом в условиях би- полилингвального детского сада // Сахалинское образование XXI век. 2021. № 1. С. 46–50.

15. Мусаева Н. К. Факторы возникновения детской квазидialogической речи // «Colloquium-journal» № 33 (120), 2021. С.17–19.

16. Нафикова З. Г. Билингвизм в современном детском саду // Воспитатель дошкольного образовательного учреждения. 2020. № 1. С. 55–60.

17. Пейчева Е. С. Социализация детей среднего дошкольного возраста с нарушением речи в детском коллективе дошкольного учреждения // «Вестник науки» 2024. № 12 (81), Т. 2. 2024. С. 875–902.

18. Петрова Т. И. Жанровая специфика инсценированного квазидialogа в детской речи // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. С. 245–250.

19. Петрова Т. И. К вопросу о синтаксисе детской речи (на материале игровых dialogов) // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию. сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 2021. С. 268–272.

20. Петрова Т. И. Структурные особенности инсценированного квазидialogа в сравнении с собственно dialogом // Ребенок как партнер в dialogе : Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып. 2. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2001. С. 95–120.

21. Перепеча В. Л., Меженцева Г. Н. Формирование связной dialogической речи у детей дошкольного возраста с задержкой психического развития // Научный аспект. 2024. Т. 25. № 6. С. 3133–3138.

22. Протасова Е. Ю., Родина Н. М. Обучение второму языку в детском саду // Методист дошкольного образовательного учреждения. 2020. № 29. С. 27–38.

23. Прудникова А. А. Влияние сюжетно-ролевых игр на развитие связной dialogической речи у детей старшего дошкольного возраста с ОНР // Научный аспект. 2023. Т. 5. № 9. С. 570–581.

24. Суханкина Е. Н. Требование и замечание как речевые жанры педагогического взаимодействия-воздействия : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2007. 24 с.

25. Ушакова О. С., Смирнова Е. А. Психолого-педагогические основы развития речи дошкольников // Педагогическое образование и наука. 2008. № 1. С. 11–13.

26. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

27. Khanina N. N., Li I. V. Senior preschool children's speech development through dialogue with peers // Bulletin of the Karaganda university. Pedagogy series. 2021. № 2 (102). С. 90–97.

References

1. Altybayeva ZCh. Approaches to the study of children's bilingualism in preschool educational institutions of Bishkek. *Russkiy yazyk za rubezhom = Russian language abroad*. 2022;4:50-53. (In Russ.).

2. Alyukhanova YeM., Yergashova NB., Grishina YeYe., Bezborodnikova SN. Development of the ability to conduct a dialogue in older preschoolers through dramatization games. *Pedagogicheskiy forum*. 2022;1(9):8-10 (In Russ.).

3. Butakova LO., Guts YeN., Kozlovskaya YeA. Detstvo v diskursivnom prostranstve regiona: Kompleksnyy analiz tsennostnykh fragmentov yazykovogo soznaniya i institutsional'nykh kommunikatsiy [Childhood in the discursive space of the region: Comprehensive analysis of value items of linguistic consciousness and institutional communications]. Omsk, 2018: Nauka. 446 p. (In Russ.).

4. Butyrskaya YeV., Zhukova NV. Development of dialogical speech in senior preschool children with the help of role-playing games. *Aksiologicheskiye problemy pedagogiki = Axiological problems of pedagogy*. 2021;12:12-20. (In Russ.).

5. Vorob'yeva NA. Features of the active vocabulary of preschoolers with general speech underdevelopment. *Innovatsionnyye nauchnyye issledovaniya*. 2021;10(12):153-164. (In Russ.).

6. Glovinskaya MYa. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov = Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts. *Russkiy yazyk v yego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* (red. Ye.A. Zemskaya) = *Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspects*. Moscow, 1993. Pp. 158-218. (In Russ.).
7. Davlyatova YaS. Using the socio-cultural potential of role-playing games in the development of dialogical speech in preschoolers. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Scientific works of the Moscow Humanitarian University*. 2023;4:31-36. (In Russ.).
8. Dobrova GR. Age sociolinguistics: towards posing the question. *Problemy ontolingvistiki – 2007* : Proceedings of the scientific and practical conf. Saint Petersburg, 2007. Pp. 57–64. (In Russ.).
9. Yeliseyeva MB. From 2 to 5: speech “for others” and “speech for oneself” (on the issue of the child’s egocentric speech). *Rebenok kak partner v dialoge : Trudy postoyanno deystvuyushchego seminara po ontolingvistike = The child as a partner in dialogue: Proceedings of the permanent seminar on ontolinguistics*. Iss. 2. Saint Petersburg, 2001: Soyuz. Pp. 95-120. (In Russ.).
10. Ibragimova EM. Propp’s cards: developing speech, memory and imagination (from work experience). *Sovremennoye obrazovaniye: aktual’nyye voprosy i innovatsii = Modern education: current issues and innovations*. 2020;4:204-206. (In Russ.).
11. Ivakina MV. Psychological and pedagogical support for the formation of vocabulary in children of middle preschool age with general speech underdevelopment in the context of a children’s educational institution. *Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye obrazovatel’nogo protsessa: problemy, perspektivy, tekhnologii* [Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies]. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Orel, 2022. Pp. 146-149. (In Russ.).
12. Ivankova YuN. Psychological and pedagogical support for the formation of phonemic hearing in senior preschool children with phonetic and phonemic speech underdevelopment. *Psikhologo-pedagogicheskoye soprovozhdeniye obrazovatel’nogo protsessa: problemy, perspektivy, tekhnologii* [Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies]. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Orel, 2022. Pp. 149-154. (In Russ.).
13. Karasik VI. Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse] Moscow, Gnosis, 2004. 390 p. (In Russ.).
14. Levitskaya SYu. Formation of the grammatical side of speech in children with forced bilingualism in the conditions of a bi- and multilingual kindergarten. *Sakhalinskoye obrazovaniye XXI vek = Sakhalin education of the 21st century*. 2021;1:46-50. (In Russ.).
15. Musayeva NK. Factors in the emergence of children’s quasi-dialogical speech. *Colloquium-journal. Philological Sciences*. 2021;33(120):17-19. (In Russ.).
16. Nafikova ZG. Bilingualism in a modern kindergarten. *Vospitatel’ doshkol’nogo obrazovatel’nogo uchrezhdeniya = Preschool teacher*. 2020;1:55-60. (In Russ.).
17. Peycheva YeS. Socialization of children of middle preschool age with speech impairment in the children’s group of a preschool institution. *Vestnik nauki = The Science Herald*. 2024;12 (81):875-902. (In Russ.).
18. Petrova TI. Genre specificity of staged quasi-dialogue in children’s speech. *Zhanry rechi = Speech genres*, Saratov; Moscow, 2012: Labirint. Pp. 245-250. (In Russ.).
19. Petrova TI. On the issue of the syntax of children’s speech (based on play dialogues). Russian syntax: from to functionality. *Materials from the World Scientific Conference with International Participation, celebrated by the 95th anniversary of Doctor of Sci. (Philology), Professor Alla Fedorovna Priyatkina*. 2021. Pp. 268-272. (In Russ.).
20. Petrova TI. Structural features of staged quasi-dialogue in comparison with dialogue proper. *Rebenok kak partner v dialoge : Trudy postoyanno deystvuyushchego seminara po ontolingvistike = The child as a partner in dialogue: Proceedings of the permanent seminar on ontolinguistics*. Iss. 2. Saint Petersburg, 2001: Soyuz. Pp. 95-120. (In Russ.).
21. Perepecha VL., Mezhentseva GN. Formirovaniye svyaznoy dialogicheskoy rechi u detey doshkol’nogo vozrasta s zaderzhkoy psikhicheskogo razvitiya [Formation of coherent dialogic speech in preschool children with mental retardation]. *Nauchnyy aspekt = Scientific aspect*. 2024.;6:3133-3138. (In Russ.).
22. Protasova YeYu., Rodina NM. Teaching a second language in kindergarten. *Metodist doshkol’nogo obrazovatel’nogo uchrezhdeniya = Methodologist of preschool educational institution*. 2020;29:27-38. (In Russ.).

23. Prudnikova AA. The influence of role-playing games on the development of coherent dialogic speech in senior preschool children with general speech underdevelopment. *Nauchnyy aspekt = Scientific aspect*. 2023;9:570-581. (In Russ.).

24. Sukhankina YeN. Trebovaniye i zamechaniye kak rechevyye zhanry pedagogicheskogo vzaimodeystviya-vozdeystviya [Demand and remark as speech genres of pedagogical interaction-influence]. Abstract of thesis. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.).

25. Ushakova OS., Smirnova YeA. Psychological and pedagogical foundations of speech development in preschoolers. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka = [Pedagogical education and science]*. 2008;1:11-13. (In Russ.).

26. Sheygal YeI. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000: Peremena. 368 p. (In Russ.).

27. Khanina NN., Li IV. Senior preschool children's speech development through dialogue with peers. *Bulletin of Karaganda University. Pedagogy Series*. 2021;2(102):90-97.

Информация об авторах

Л. А. Месеняшина – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы.

К. И. Валеева – студентка историко-филологического факультета.

Information about the authors

L. A. Mesenyashina — Dr. Sci. (Philology), Dr. Sci. (Pedagogy), Professor of Department of Russian Language and Literature.

K. I. Valeeva — student of Faculty of History and Philology.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 25.04.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 25.04.2025; accepted for publication 15.08.2025.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.